

Цена 9 коп.

Индентс 73090

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

10
(759)

Мих. ЛЬВОВСКИЙ

ТРЕСК
И
БЛЕСК

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Михаил Григорьевич Львовский, автор этого сборника, хотя живет и работает в Днепропетровске, хорошо знаком всесоюзному читателю. Знаком по своим острым, злободневным фельетонам, которые печатаются на страницах «Известий», «Крокодила», «Литературной газеты». В 1967 году в Библиотеке Крокодила вышла его книжка рассказов и фельетонов «Как вы добились?».

Сам Михаил Львовский, как сатирик, добился того, что большинство его выступлений глубоко вскрывают тему и без промаха поражают сатирическую цель. Очевидно, в этом ему помогают два обстоятельства: на войне Львовский был артиллеристом, а по мирной профессии он горняк.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 10

МИХ. ЛЬВОВСКИЙ

ТРЕСК

И

БЛЕСК

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1976

АМЕБА В КОЛБЕ

Часы пробили полночь. Вадим Семенович прислушался к зловещему двенадцатому удару и, почувствовав, что повеяло запахом спичек фабрики «Красный Везувий», поднял голову от чертежа. Перед ним стоял смуглый гражданин с узким демоническим обликом.

— В чем дело? — спросил Вадим Семенович.

— Не волнуйтесь, — сказал ночной посетитель. — Меня зовут Асмодей Вельзевулович. «Са-та-натам правит бал, са-та-натам правит бал!» — пропел он ужасным голосом провинциального баса. — Музыка Гуно... Словом, я Мефистофель.

— Короче, — потребовал Вадим Семенович. — У меня расчет колечатого вала.

Асмодей Вельзевулович примиренчески кивнул.

— Хорошо, — сказал он, садясь на стул и грациозно закладывая копыто за копыто. — Еще задолго до того, как жалкие эпигоны с западного континента затеяли утечку мозгов, я начинал это дело! Вспомните доктора Фауста. Всю жизнь меня интересовало серое мозговое вещество. Кстати, у вас оно есть... Но, —

2

© Издательство «Правда». Библиотека Крокодила. 1976 г.

вдруг застеснявшись, продолжал представитель нечистой силы, — титаны литературы были правы, утверждая, что меня интересует также душа.

С этими словами он классическим движением фокусника одной рукой добыл из-под выдавшего виды сюртука большую колбу, а другой прикоснулся к Вадиму Семеновичу. В колбе забились, как гейзер, как нефтяной фонтан, могучий огонь интеллекта.

— Вот видите, с этим у вас тоже неплохо, — отметил Асмодей Вельзевулович. — Двенадцать баллов по шкале Иезикииля. Самая высокая концентрация... Слушайте, продайте мне душу!

Вадим Семенович встал и тихо сказал:

— Пошел вон!

Запах изделий фабрики «Красный Везувий» исчез, а вместе с ним улетучился А. В. Мефистофель.

О визите незваного гостя Вадим Семенович, понятно, не сказал никому ни словечка. Только жене, от которой все равно ничего не скроешь, пришлось во всем сознаться. И она одобрила его поступок по существу, хотя нашла, что по форме следовало подобрать более обтекаемые слова, чем «Пошел вон!».

— А вообще ты всегда у меня был идеалист, бесребренник, тюха-матюха. За это я тебя, Вадя, и полюбила...

Поработав еще несколько дней по предельной отметке шкалы Иезикииля, Вадим Семенович закончил изобретение, сулившее маленький переворот в металлургической промышленности. Что-то из области прокатки, кажется, сверхминусовые допуски.

Через месяц его вызвали в БРИЗ и начислили 1 267 рублей.

— А нужно ли? — засомневался было идеалист.

— Бери, бери, коли дают. Законный стимул, материальное вознаграждение!

Вадим Семенович и его жена приобрели венгерский гарнитур под цвет «каленый каштан» и убедились, что законный стимул не такая уж плохая вещь.

В тот же день, вернее, в ту же ночь вновь заскочил на мину-ту Асмодей Вельзевулович.

— Ну как? — спросил он. — Получили 1 267 рублей?

— Получил.

— За такую работу! Эх-ма, серое вещество!.. А я бы дал вам за ничего, за звук пустой — двадцать пять тысяч целковых.

— Пошел вон! — уже менее уверенно сказал Вадим Семенович.

Поборов искуса, он засел за новые чертежи, но на изобретение не потянул, а только на ценное рацпредложение. И то не в металлургической, а в кухонной промышленности. Что-то из области поварской оснастки, кажется, монументальный черпак.

На этот раз ему выплатили 365 рублей.

Вадим Семенович почувствовал себя оскорбленным, но виду не подал и, придя домой, стал творить дальше. Он подсказал, чтоб водители самосвалов ехали в объезд не через Каменный Брод на Кайдаки, а через Лобойковку на Каменный Брод, и эта идея потянула всего-навсего — стыдно сказать! — на сорок рублей: «за инициативу»...

Вадим Семенович хотел тут же вернуть этот нищенский гонорар, но машинально засунул его во внутренний карман пиджака.

Он был потрясен. Мысль о материальном вознаграждении, какая присутствует у каждого творческого человека, принимала в его голове нахальные гипертрофические формы и чем дальше, тем большие нравственные муки причиняла ему. Были ли тому причиной коварные штучки Асмодея? Или оказал свое вредное влияние гарнитур? Или, быть может, в глубине могучего интеллекта давно уже зрели плохие бактерии? Не знаю, не знаю...

Во всяком случае, с сорока рублями бывший идеалист мириться не мог и пошел творить еще дальше. Он открыл способ, как делать клей из силикатного кирпича, разработал более экономичный вариант перекрытий, суть которого сводилась к тому, что балка должна быть несколько короче пролета, наконец, предложил, чтоб Волга впадала в Каспийское море.

За последние три работы ему не начислили ни копейки.

— Так тебе и надо, ишаку, — сказала жена, зеркально отражавшая чувства супруга.

К этому времени Вадим Семенович и сам осознал, что стараться для общества — артель напрасный труд, что жить-то надо для себя, и воздвиг светлую мечту — сколотить уже упоминавшуюся сумму — двадцать пять тысяч целковых.

Теперь он был не прочь переговорить со смуглым гражданином, но тот куда-то запропастился — видно, мотался по своим скучным делам в других частях бела света.

Оставалось положиться на собственные силы — переключить весь умственный потенциал со сферы «артель напрасный труд» на сферу «что я от этого буду иметь».

Вадим Семенович стал искать перспективное предприятие и вскоре обнаружил его возле магазина «1000 мелочей». Здесь, на асфальтовом плацу, шумел-гудел, бурлил толчок — меняли котеджи, квартиры, гаражи, дачи, третий этаж на большую кухню, большую кухню на отдельный ход, а отдельный ход — на несовмещенный узел.

Через три дня, приспособившись, Вадим Семенович разыграл удивительной красоты обменный этюд на шесть ходов. В результате комбинации, которая все равно останется недоступной нашему пониманию, он обменял кому-то довоенный чулан на особ-

няк в переулке и сверх того высвободил себе для вольной продажи чудную однокомнатную квартирку.

Казалось, вот где залегла золотая жила! Но не прошло и недели, как одного воротилу с обменного толчка пригласили в ОБХСС, и, чтя Уголовный кодекс, Вадим Семенович предусмотрительно покинул доходный плац магазина «1000 мелочей».

«А теперь что?» — трудно мыслил он, возвращаясь домой. Складывалось поганое положение...

На углу Второй Поперечной и улицы Железнодорожников он нагнал худого, дистрофического склада субъекта и радостно воскликнул:

— А, Асмодей Вельзевулович! Наконец-то.

— Что та-а-а-кое? — спросил субъект, будто первый раз в жизни видел Вадима Семеновича.

— Я, пожалуй, согласен.

А. В. Мефистофель пожал плечами и, вздохнув, повел собеседника к ближайшей бульварной скамейке. Там он, добыв большую колбу, прикоснулся к Вадиму Семеновичу.

— Глядите!

В колбе было черным-черно. На короткий период, равный периоду распада частицы мью-мезон, вспыхнула какая-то фитюлька, какая-то бледная зеленая амеба махнула хвостиком и погасла.

— Ноль целых, две десятых по шкале Иезикииля, — объявил Асмодей Вельзевулович. — Я покупаю душу. А вы что мне предлагаете?

И, отряхнув заношенный сюртук, он удалился, стуча копытами.

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Мы стояли в коридоре, у стеклянного торца, вели мужской разговор о том о сем и ни о чем. Это называется перекур.

— Одну минутку, — плотоядно улыбаясь, сказал Персидский из отдела «Монтаж и конструкции». — Про то, как муж уезжал в командировку!

Сизая тоска зажглась в глазах всего нашего небольшого коллектива, потому что, несмотря на наличие новейшего пособия («Книга веселой мудрости», 43,68 усл. печ. л.), закоренелый ортодокс Персидский рассказывал анекдоты, за которые убивали еще при фараоне Тутанхамоне.

Казалось, что пять минут драгоценного трепса безвозвратно утеряны. Но тут пружинящим шагом приблизился Вацлав Хоменко и сказал:

— Дружнице Персидский, оставим в покое мужа, жену, знакомого и, видимо, неполированный шкаф. У меня есть более радостные вести. Нашему КБ выделяют квартиру!

У стеклянного торца стало тихо-тихо.

— И кто ее получит?

— Думаю, что я,— со скромной уверенностью ответил Хоменко.— Три комнаты, лоджия, восьмой этаж и вид на реку.— Старики, это прелесть!

Он помахал нам рукой, как иностранный посол с самолетного трапа, и побежал в приемную начальника КБ.

А мы стояли и грустно глядели вслед этому баловню судьбы, этому счастливчику, этому пусть даже нахалу! Только за один год он выпросил премию в министерстве, добыл путевку в крымский Сеченовский институт (два месяца голубой санаторной жизни) и провел телефон...

Дверь приемной отворилась, и из нее выскочил молодой конструктор Костя Дрыга. Третий день он сиял, как может сиять лишь отец новорожденной двойни, но теперь положительно испускал какие-то знойные волны.

Из его радостного, но довольно невнятного лепета мы поняли: кажется, ему выдадут ордер!

— А Вацлаву? — хором воскликнули мы.

— Вацлаву тоже. Мы с ним будем сосуществовать. В одной квартире!

Ведущий конструктор Василюк попросил, чтоб его ущипнули.

Мы вернулись к чертежным комбайнам в состоянии легкого транса. Что-то подобное испытывает человек, у которого перед самым носом жена захлопнула детективный роман, чтобы послать в гастроном за сметаной. Что же будет дальше?

Ждать пришлось недолго.

В тот же день Костя заскочил в КБ бледный, как известковый раствор:

— Дело плохо,— прошептал он.

— Ну, не томи!

— Вацлав принес справку. У него шизофрения. С 1962 года...

Мы подавленно молчали.

— В общем, того,— продолжал Дрыга, буравя пальцем левый висок.— Но, по-моему, чистейшая липа.

— Нет,— сказал Василюк.— Вы с ним никогда не работали, Костя. А я — да. У Вацлава Свиридовича всегда были странности. Ослабли фрикционные передачи... Вы заметили, как у него блестят глаза?

Действительно, глаза у него всегда блестели!

— Прошлым летом он запарол два чертежа,— вдруг вспом-

нил кто-то.— Кроме того, он пошел на именины к зам. директора, хотя его никто не звал!

— И он храпит во сне!

Воспользовавшись временно наступившим замешательством, Персидский предпринял очередную попытку.

— Из жизни сумасшедших,— начал он, поспешно глотая слова.— Один пациент приходит к доктору и просит выписать его из больницы. «А что у вас на веревочке?» — спрашивает доктор. «Это мой Тузик». «Нет,— говорит доктор,— это галоша. Вернитесь, милейший в пала...»

Закончить свой стародавний анекдот Персидскому не удалось, потому что к нам подошел Вацлав Свиридович.

— О чем вы здесь толкуете? — поинтересовался он.

— Ни о чем, о фрикционных передачах.

Я присмотрелся к нему — у него дергалось веко.

В течение ближайшей недели, протудировав тома энциклопедии на букву «Ш», мы значительно пополнили запас информации о шизофрении. Мы узнали, что она бывает кататонической и параноидной, что в среднем ею страдает от 20 до 64 человек на каждые десять тысяч, что течение ее сложно, а симптомы многообразны — от импульсивных движений до мышечного оцепенения и бурной дурасливости.

Стоя на рабочих точках, мы не спускали глаз с нашего психа. Иногда он импульсивно оборачивался, и тогда мы замечали на его лице какое-то мышечное оцепенение.

За три дня до заседания месткома, решавшего квартирный вопрос, Вацлав Свиридович хихикнул и швырнул на пол полухрустальный графин. Потом он подошел к Косте Дрыге.

— А что сказал Навуходносор? — спросил шизофреник.

— Не знаю.

— Я знаю, что ты не знаешь. Но все знают, что местком не знает, что я все знаю!

Через полчаса Костя отказался от идеи сосуществования. Все остальные сотрудники тоже не пожелали жить в одном коридоре с человеком, у которого не все дома. Квартира досталась Хоменко целиком и полностью.

Когда члены месткома разошлись, я подошел к красному уголку и заглянул в приоткрытую дверь. Вацлав Свиридович откалывал канкан, напевая: «А шизофреники там вяжут веники...» Увидев меня, он остановился и назидательно сказал:

— Не надо быть лопоухим, понял? Ну! Или ты думаешь, что я ненормальный?

— Нисколько,— ответил я, заискивающе улыбаясь.

Это тоже симптом: говорить, что ты нормальный, когда все видят, что не совсем.

Кончилось все, как Вацлав хотел. Он добыл отменную жил-площадь и отпраздновал новоселье. Но появилось и маленькое «но». Женщины стали обходить его, как заведенную мину. Вацлава жалели. За его спиной шептались. И в довершение ко всему ему объявили:

— Здесь вам будет трудно — расчеты, подсчеты, редуктора... Переходите в архивный отдел, Вацлав Свиридович!

(В архивный отдел ссылали пенсионеров. И там оклад был на 70 рублей ниже.)

Хоменко попытался было бурно протестовать, но его тактично успокоили:

— Не спорьте, пожалуйста, вам нельзя переутомляться. Вы же сами представили справку.

Вчера, когда все стояли у стеклянного торца и мимо проследовал мрачный, как туча, баловень судьбы, мы с удовольствием выслушали конец стародавнего анекдота Персидского:

— В конце концов пациента из больницы выписали. «Ну, Тузик, как мы его обманули!» — сказал он, выйдя за ворота и обочаиваясь к своей галоше...

СЛОВА МОИ

У нашего Кости был маленький, домашний голос. Он пел на вечеринках «А у нас во дворе», «А снег идет» и другие песни на разные буквы алфавита.

Мы были довольны Костей, он сам собой — само собой.

Но потом приехал на гастроли один француз и всех взбудоражил. Этот парень как-то умудрился в одно и то же время быть певцом, композитором, поэтом, и у него получалось!

Мы вышли с концерта очарованные. Костя молчал. Его жена Лиззи сказала:

— Да... А все же мы привыкли преклоняться перед заграницей. Бесспорно, француз хорош, однако у нас есть Сиракузов, который делает то же самое, но лучше, у нас есть Олег Безносов и еще кое-кто!

Кто такой «кое-кто», можно было догадаться.

Лиззи купила усеченную гитару, инкрустированную перламутром, какой не было у самого Сиракузова, и поклялась Косте, что он добьется успеха...

Через неделю она отрядила его на олимпиаду, из которой, как известно, приходят в большое искусство все мастера вокала.

Но в жюри засели академисты, они придрались к Косте за то, что он не смог взять какой-то верхний диэз.

По классу пения Костя не прошел.

Ничего. Все равно Лиззи верила в мужа, морально поддерживала его, и три дня спустя, чуть оправившись, он сочинил музыкальную вещь.

Костя снес ее к известному композитору-песеннику Кавалерьянцу.

— Так,— сказал песенник, терпеливо прослушав посетителя, и вдруг позади себя ткнул пальцем в белый клавиш.— Одну минутку! Что это такое?

— По-моему, пианино.

— Нет, что это за звук, понимаете? До или ре, или ми-фа-соль-ля?

Костя стоял и моргал глазами.

— Вот видите,— вздохнул Кавалерьянец.

По классу композиции тоже ничего не вышло.

Костя тем не менее не пал духом, решил попытать счастья в поэзии. Он взялся написать текст к последней, еще не прозвучавшей песне знаменитого композитора, и тот согласился, но попросил:

— Только чтоб современно!

— Будьте покойны!

И тут наконец получилось!

В одно из ближайших воскресений Костя выступал по телевидению. Улыбчиво кивнув голубому экрану, он тронул струны усеченной гитары и объявил:

— «Течет речка у крылечка». Музыка Кавалерьянца, слова мои:

На-на, на-на, на-на-на,

На-на-на-на!

В этом тексте был подтекст, биение пульса наших дней:

На-на-на-на!

Песня летела, не зная границ, покоряя сердца и просторы...

КООПЕРАТИВ «АРКТИКА»

Вадим Семенович влетел в дом, напевая жизнерадостный мотивчик.

— Свистать всех наверх! — на свой морской манер объявил он супруге.— Квартира будет. Третий этаж, окошки на юг!

Слава богу Посейдону! Создали жилищный кооператив. И назвали его «Арктика». А Вадим Семенович был со станции «Северный полюс-12». Он прошел.

125 пайщиков сразу внесли 125 паев, и за бортом еще осталось 37 напрасно мечтающих. Отбор был жестокий: только люди студеных широт!

Некий товарищ из знаменитой Одессы поднял шум:

— В чем дело? Я с китобойной флотилии «Слава»!

Но и ему сказали категорически: нет!

Как в каждом порядочном кооперативе, приступили к распределению обязанностей. Один пайщик отвечал за силикатный кирпич, другой — за угощение штукатурам, третий за технологию, четвертый за то, чтоб прораб не совался не в свое дело, а Вадиму Семеновичу досталось самое легкое: он отвечал за согласование.

Надев свою неотразимую форму со сверкающими галунами, «арктический полпред» отправился в «Горжилпромстройпроект». Встретили его чуть ли не с распростертыми объятиями. Но потом, внезапно поскучив, начальник «Горжилпромстроя» и прочего сказал:

— Значит, вам чертежи? Дорогой, у нас работы — во-от так! Кстати, без всякой связи с предыдущим: нельзя устроить одну квартиру? Пай мы внесем.

— Спасибо. Это вам лично?

На лице у проектировщика появилось оскорбленное выражение. Квартиру пришлось выделить. Впрочем, действительно не начальнику лично, а его двоюродной тете, торговавшей на базаре мороженым. Она была явно не с той параллели, но кое-какое отношение к льдам тета имела, так как на ее тележке был нарисован пингвин.

Затем Вадим Семенович двинулся в санитарную инспекцию, где ему сказали:

— Дорогой, мы бы охотно поставили визу. Но... кстати, без всякой связи с предыдущим...

— Вам нужна квартира?

— Да!

— Двоюродной тете?

Главврач санитарной инспекции решительно замотал головой — квартирка понадобилась троюродному племяннику. Он оканчивал пищевой институт.

Постепенно в члены жилищного кооператива были кооптированы: от УКСа — чей-то брат жены или шурик, от коммуна — чей-то кум сестры или свояк, а главный архитектор настоятельно попросил:

— Возьмите Леву!

— Он что, дрейфовал?

— Я у него бреюсь!

В тот же день Лева явился на правление, исполненный чувства достоинства. Плечистый и красивый, как ледовый капитан, Лева сказал:

— Между прочим, моя жена работает на холодильнике, и я не делаю из этого большой тарарам. Мне не нравится первый этаж, понятно?

Вадим Семенович кивнул. Он, как и другие члены правления, был согласен и на шурика, и на свояка, и на тетю, продающую эскиммо на палочках, потому что иначе построишь, простите, пожалуйста, шиш. Но под конец «полпред» сорвался. Когда в последней инстанции, в пожарной охране, ему хотели что-то сказать без всякой связи с предыдущим, Вадим Семенович нетактично спросил:

— А может, я вам лучше дам борзыми щенками?

Правление ему этого не простило и вместе с другими людьми студеных широт, потеснившихся ради ледовых капитанов, он в одно прекрасное утро очутился за бортом.

Третий этаж, окошки на юг достались, между прочим, Лева.

СЕКЦИОННАЯ МЕБЕЛЬ

— Ты никогда ничего не можешь достать! Посмотри, какая обстановка у Заверзаевых, — сказала жена.

Мне надоели ее попреки. Я пошел в магазин «Уют».

У врат торговой точки меня встретил индивид с большой фиолетовой физиономией, в просторечии именуемой будкой. Он окинул меня тренированным взглядом и сипло сказал:

— Не ходи, друг. Там для тебя ничего не припасли.

Мы завернули за ближайший рундук, пошептались, пересчитали мои сбережения. Потом сильный друг пошел «в серединку» — добывать один-единственный комплект, оставленный для родного дяди завмага.

Индивид с несколько меньшей, но тоже довольно крупной физиономией погрузил на мою двуколку картонные ящики, поплевал на руки, и мы двинулись в путь. Я шагал сзади — каждый видел, что я тоже достал.

Когда мы выгрузились и вытерли пот, жена, естественно, заинтересовалась:

— Что там?

— А ты не знаешь, котя? Тсс-с, — сказал я и, закатав рукав,

как Кио-младший, извлек из глубины картонного ящика инструкцию.

«Секционная мебель,— смакуя каждое слово, начал читать я вслух.— Секционная мебель, обладающая свойством легкой сборки, имеет универсальное предназначение».

Жена, просветлев, кивала головой: язык был явно импортной окраски.

«Из прилагаемых секций,— бодро продолжал я,— монтируются нижеследующие: шифоньер, секретер, горка, книжные полки, кухонный шкаф, стол, табуре...»

— А бар-сервант?

— Бар-сервант тоже! Все что угодно, Лорочка. Еще 17 позиций!

Я закрыл дверь за мебельным рикшей, унесшим четверть моей зарплаты, и стал возле ящиков в позе лампоноса Алладина.

— Вели! — попросил я супругу, глядевшую на меня влюбленными глазами. — Что делать?

— По-моему, бар-сервант, — сказала она раздумчиво. — В первую очередь... Потом мы соберем малую хельгу. А из того, что останется, составим диван-кровать!

Это был, как я понял, план-минимум, потому что Лора пошла звонить Заверзаевым: советоваться, что делать из того, что останется после диван-кровати.

Я не стал ждать и приступил к работе. Полированная фактура, освобожденная от жатой папиросной бумаги, выглядела прекрасно — сверкала на солнце, как эстонская слюда. Но ничего не составлялось, хоть кричи «Караул!».

Заедало, косило, забивало пазы...

Сначала я слегка постучал по фактуре ладонью. Потом применил правую коленку. Потом побежал на кухню за молотком.

Когда вернулась Лора, две секции в расщепленном виде уже тайно покоились за старым шкафом.

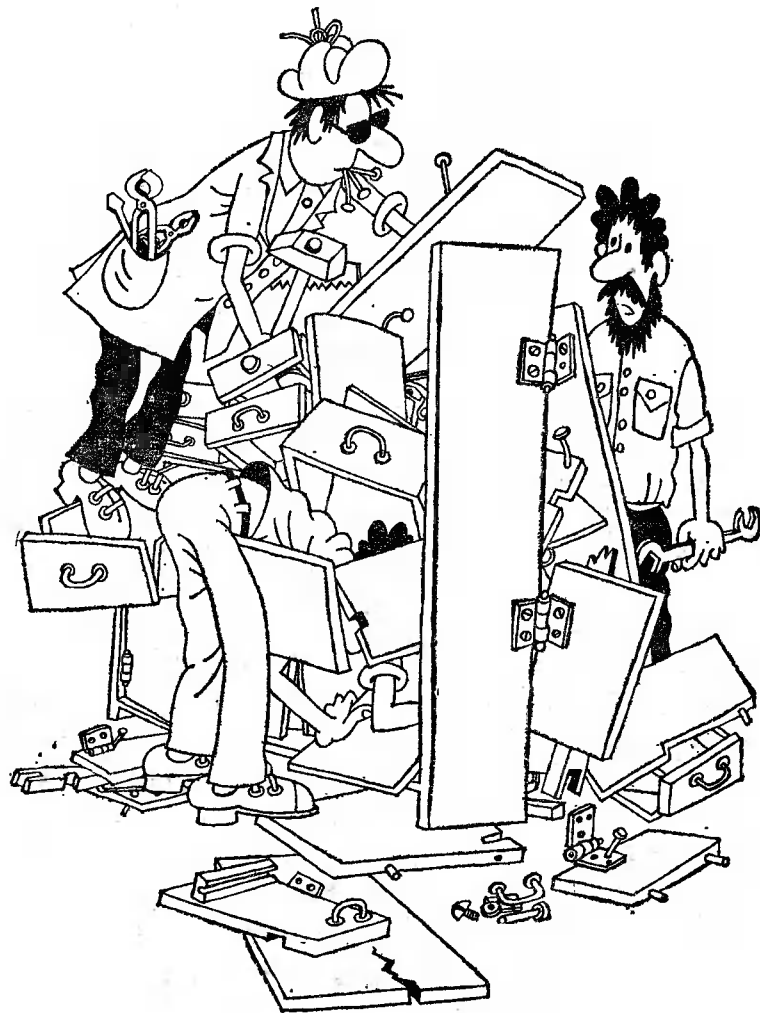
— Ну что, получается? — спросила жена.

— Не совсем, — сказал я почти беззаботным тоном. — Они что-то напутали!

Лора пытливо посмотрела на меня и, велев подвинуться, стала составлять все сама.

Через десять минут я торжественно снес на кухню еще один полированный щит, по которому, как на арктической льдине, прошла роковая трещина.

Вскоре по нашему зову явился сосед, вечно лежащий во дворе под «Москвичом». Он захватил с собой французский гаечный ключ. Вслед за ним заглянул Перепечкин, принес из сарая ржавый топор. И, наконец, на пороге появился водопроводчик дядя Гриша, державший на плече свое безотказное орудие — лом.

Ряды секций редели с ужасающей быстротой. Пока было не поздно, я поблагодарил добровольных помощников и вытолкал их за дверь. Они не хотели уходить.

Оставалось одно — пригласить столяра из магазина «Уют». Он прибыл через полчаса на такси. Синий халат, седая голова, черные роговые очки — настоящий профессор.

У останков набора он водрузил свой сосновый ящик, достал фуганок, рубанок, пилку, коловорот.

— Держи покуда, — приказал профессор и сунул мне в руки пакет гвоздей 33-й номер. Не теряя минуты, он принялся пригонять части — строгать, пилить, буравить. Белые стружки летели, как снежинки в метель.

Жена стояла рядом, бледная-бледная.

Вбив последний гвоздь 33-й номер, маэстро отступил на два шага, чтобы полюбоваться произведением.

— Что это такое? — робко осведомилась Лора.

— Это? Разве ж не видно? — удивился столяр. — Это подставка для цветочного горшка.

Мы кивнули. Маэстро унес еще одну четвертую часть моей зарплаты. А Лора побежала звонить Заверзаевым.

Им такая подставка даже не снилась!

ЕЙНЫЙ МУЖ

Если я решу жениться, то выберу себе простую невесту. Иначе будешь всю жизнь мучиться. Рядом с ответственной чувствуешь себя, как зяблик, как сошка, как нуль без палочки. Каждый тычет в тебя пальцем:

— Вот идет муж такой-то!

Кому приятно? Человек без имени, муж жены.

Конечно, женщин надо уважать, но мужское самолюбие у тебя должно быть. Иначе станешь таким, как тот, который в доме № 25.

Я его раскусил, понял, чего он стоит, еще тогда, когда увидел на подоконнике пятого этажа. Он стоял, обняв фрамугу, и, радостно напевая, растирал газетой стекла с таким рвением, с каким обычно растирают утопленников.

Минут через пять он соскочил с подоконника: видимо, в кухне подгорела поджарка.

— Кто такой? — поинтересовался я у дворничихи.

Она дала справку:

— Это! Да ейный муж, Веры Васильевны!

Вера Васильевна была директором чугунолитейного завода. «Ейный» муж снова вскочил на окно. Это был человек не обыкновенной комплекции. По состоянию здоровья ему больше пристало таскать мешки в порту или работать в каменоломне, нежели зажаривать сало к борщу.

И такой стал «домрабом»!

Что ни говорите, в подобном зрелище есть что-то печальное.

Однажды я встретил его в «Гастрономе». В то время, как другие мужчины толковали о том о сем, пропуская по кружечке пива, он со знанием дела выбирал говяжью вырезку. У него был вполне довольный, я бы даже сказал, самодовольный вид.

А еще через день мы столкнулись у подъезда дома № 25. Он катал коляску, дергал ее туда-сюда и тонким голосом внушал внучке: «А-а, а-а, а!»

— Ну как, справляется? — спросил я как можно чистосердечней.

— Справляюсь. А что?

— По-моему, вы когда-то боролись на ринге?

Он принял все за чистую монету.

— Да, — сказал этот няня. — Я выступал в полутяжелом весе. Имел разряд.

— А теперь?

— Теперь я занят. — Он вздохнул и снова лихорадочно затряс свою коляску.

На балконе пятого этажа внезапно сорвалась с веревки пеленка. Мой собеседник кинулся в дом, а я временно остался сторожить коляску и покачал головой: «Вот жизнь!»

«Ейный муж» вернулся спустя десять минут — он еле отдышался.

— Извините, пришлось отстирать, — объявил он.

— А полы вы моете? — ехидно спросил я.

— Иногда.

— А кулебяку печете?

— Нет, — сказал «домраб». — Кулебяку я не умею. Но на пирог с калиной, пожалуйста, могу вас пригласить!

Больше вопросов у меня к нему не было. Тяжкий крест этого человека будил глубокое сострадание. Хотелось сказать ему, что настоящий мужчина на его месте давно убежал бы в каменоломни!

Мы расстались без сожаления.

— До свидания! — кивнул я ему.

— До скорой встречи! — сказал он мне.

А еще через две недели у меня случился приступ аппендицита.

Вообще-то для хирургов аппендицит (чужой) считается случаем пустяком. Но мне-то он был не чужой, и я два часа с температурой 37,2 звонил влиятельным знакомым, пока добился, чтоб мною занялся не дежурный врач, а доктор медицинских наук Назаревич.

Потом я попал в больницу. Лежа на операционном столе, я поднял глаза на человека, занесшего надо мной скальпель, и невольно подскочил. Это был «ейный муж»!

— П-позвольте,— пролепетал я.— А где Назаревич?

— Ложитесь! — хладнокровно скомандовал старый знакомый.— Это я.

Пока он еще не сделал первый разрез, я, ненатурально улыбувшись, спросил:

— А как же пирог с калиной?

— Пирог с калиной — без отрыва от производства. Помогаю жене. Женщин надо ува...

Я хотел ему что-то сказать, но не успел, потому что доктор медицинских наук сделал знак своим помощникам, и они буквально закрыли мне рот. Хлороформовой маской.

Я СТАНОВЛЮСЬ СЛАВНЫМ МАЛЫМ

(Записки книголюбца)

12 сентября. 20 лет я копил, как Шейлок, ходил пешком, чтоб сэкономить трамвайный билет, и в то время, как мои знакомые ва полную стоимость загорали в солнечной «Аркадии», я проводил время совершенно бесплатно в парке имени Шевченко!

Для чего? Для того, чтоб иметь вот это сокровище, вот эти 5400 томов — от Апулея до наших дней.

Теперь ко мне то и дело заглядывает какой-нибудь приятель и, протянув руку к стенам, заставленным корешками, извлекает первый попавшийся экземпляр.

— Вот это вещь! — говорит приятель.— Слушай, а ты не дашь мне ее на два дня почитать?

— Видишь ли,— отвечаю я неестественно бойким тоном,—

свой велосипед, свои книги и свою... как это говорится... я займы не даю!

И заливаюсь одиноким смехом.

— Ясно,— мрачновато констатирует гость.

Из-за своего сокровища я прослыл заклятым индивидуалом. Чуть ли не мироедом. Когда в 9-м классе проходили Островского, сын машинистки Лели не смог достать «Грозу», ко мне подослали председателя месткома. Он беседовал со мной, затрачивая нравственные усилия:

— Неужели, Никаноров, тебе жалко? Для ребенка, да?

У меня нет никаких слов для оправданий.

Говорят, что книга — лучший друг человека. Иногда у меня появляется желание поднести к этому другу горящую спичку!

1 октября. Вчера я встретил председателя месткома и сказал ему:

— Вениамин Васильевич, я решил!

— То есть? — осторожно осведомился он.

— Открываю библиотеку.

— Совсем?

— Совсем!

— Для всех?

— Для всех!

Он меня тут же, в коридоре, обнял крепко-крепко: косточки под лопатками хрустнули.

— В сущности, ты всегда был славный малый,— сказал Вениамин Васильевич, не помня нисколько зла.— А каталог у тебя есть?

— Нет.

— Сделай!

Весть о том, что у меня будет общедоступная библиотека, разнеслась по районному центру с быстротой искры в тротилевой бочке.

Вечером, когда я сидел дома и вырезал из кондитерского картона библиографические карточки, зашел корреспондент радио, взял интервью:

— Могли ли я сказать нашим слушателям, что у вас все будет на общественных началах?

— Можете!

— Что в знании — сила?

— Да.

— Простите, еще один вопрос: что вы чувствуете, идя навстречу пожеланиям читателей?

Я чувствовал, что у меня выросли крылья, что я духовно окреп, что у меня такое чудное настроение, какого не было ни разу за двадцать лет карьеры заклятого индивидуала!

13 октября. Весь городок валит ко мне валом. Жену я посадил на абонемент, дочь Шурочка гостеприимно открывает дверь, а я сам хожу между стеллажами и, стараясь угадать запросы читателя, объективно советую:

— Возьмите Мариэтту Шагинян. Познавательльно.

— Хотите «Атом и мир»?

— А вы возьмите В. Далекого!

На днях зашла заведующая районной библиотекой О. Г. Семисватова и сказала мне комплимент:

— Вы начинаете отбивать у нас основной контингент!

— А у вас есть Сумароков в издании Новикова? — спросил я ее.

— А у вас? — спросила О. Г. Семисватова.

— А у меня есть! — сказал я, и мы оба засмеялись.

Между прочим, у меня есть вещи, которых не было у Смирнова-Сокольского!

Раз в неделю я устраиваю литературный вечер. Жена закрывает абонемент и отправляется выпекать слоеные булочки. Пьем чай, читаем Юлию Друнину и говорим об авангардизме.

Потом я мою стаканы.

Честное слово, мне это все по душе! Дурак я был, что до сих пор сидел, как собака на сене!

10 декабря. Кроме литературного четверга, я теперь раз в неделю провожу «День новой книги» и «Вечер встречи с литкружком».

На днях приезжал лохматый режиссер из областной телестудии. Он заснял мою публичную на пленку. Получилось неплохо, хотя жена утверждает, что «ее эпизод» лохматый режиссер спартачил.

Сразу после передачи из соседней области пришло требование: «Вышлите Сумарокова в издании Новикова».

Помимо этого, со всех концов поступает масса других заявок на типовых формулярах «Книга — почтой». Я удовлетворяю их частично.

О. Г. Семисватова передала мне записку:

«Уважаемый тов. Никаноров!

До 31 декабря с. г. необходимо провести инвентаризацию вверенной вам библиотеки. Данные прошу сообщить».

17 декабря. В школе начались экзамены. Сын машинистки Лели Вова предложил мне написать сочинение о роли Тургенева в освещении разложения... уж не помню точно чего, кажется, дворянского общества.

Отказать неудобно. В половине третьего ночи Вовино сочинение было закончено.

Из облоно пришел запрос по жалобе одного читателя: почему я не шлю «Книгу — почтой»?

О. Г. Семисватова передала записку:

«Заведующему библиотекой на общественных началах.

В трехдневный срок необходимо заполнить форму 2, 5 и 8-а.

Обращаю ваше внимание на ряд ухудшившихся показателей, в частности на недостаточную оборачиваемость книги.

Усиьте массовые мероприятия».

5 января. Вчера я снова встретил председателя месткома и сказал ему:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, здравствуйте! — радушно отозвался Вениамин Васильевич. — Ну как, Никаноров, живем, ничего?

— Ничего.

— Стало лучше?

— Лучше.

— А ты боялся открыть библи...

— Одну минутку, Вениамин Васильевич! — извинился я. —

О. Г. Семисватова передала записку:

«Приказ № 2, п. 3.

За недостаточную оборачиваемость, за халатность, выразившуюся в невысылке одному читателю книги-почтой и за низкое качество отдельных диспутов заведующему на общественных началах тов. Никанорову объявить выговор и предупредить...»

Вениамин Васильевич довел свою мысль до логического конца:

— А ты боялся открыть библиотеку!

ТИНЬ-ТИЛЕНЬ

— Итак, основы поэтики мы с вами прошли, — объявил руководитель литературной студии Ким Чуркин. — А чтоб окончательно усвоить элементы стихосложения, предлагаю провести практику на тему «Экспромт». Как смотрят товарищи?

Товарищи смотрели положительно. И Ким приступил к делу, дав поэтический зачин.

— Брызнул яркий луч вдали... — начал он, слабо заывая.

Вторую строку предложила сидевшая напротив нормировщица Алла:

Нежно свищут соловьи.

Чуркин немного поморщился, но зафиксировал это довольно тривиальное продолжение.

Еще две строчки, следовавшие затем, не принесли больших открытий, хотя сочетание «россыпи-огни» многим понравилось:

И плывет луна за тучей,
Меркнут россыпи-огни.

После этого Чуркин вызвал одного из самых даровитых студентов — Сеню Ющенко, уже печатавшегося в тонких журналах, и тот подарил нечто метафорическое:

В бочке солнца скрылся день,
Ночь в лесу легла на пеня.

Это, несомненно, было хорошо, но еще не хватало яркого звучания. Специалистом по звучности слыл 65-летний бухгалтер Никодим Пантелеймонович Говорука, и недаром.

Повторив для разбега предыдущее, он ринулся на помощь, возвестив:

В бочке солнца скрылся день,
Ночь в лесу легла на пеня.
Чу! Ни пеня-дуновенья,
Ни тинь-тинь и ни тилень!

Слушатели восхищенно зароптали.

Было сочинено еще строка 17, из коих Ким Селиверстович отобрал всего две, принадлежавшие поэтессе Аделаиде Борц:

На подушке луговой
Спит лирический покой.

Благодарно улыбнувшись Аделаиде, руководитель студии прочитал все целиком:

Брызнул яркий луч вдали.
Нежно свищут соловьи...
И плывет луна за тучей.
Меркнут россыпи-огни.
В бочке солнца скрылся день,
Ночь в лесу легла на пеня.
Чу! Ни пеня-дуновенья,
Ни тинь-тинь и ни тилень!
На подушке луговой
Спит лирический покой.

— А, знаете, ничего! — явно сдерживая чувства, отметил Ким. И закончил вещь философским обобщением:

Мне отраднo и привольно —
Рад эпохе я такой!

Теперь уже все было окончательно отгранено. Ким Селиверстович спрятал лист в канареечного цвета папку, где хранились его собственные опусы, и объявил занятия оконченными.

Через два дня, поэтически откликаясь на текущий момент (предстоял День Воздушного Флота), Чуркин по рассеянности перепутал листы канареечной папки и отправил экспромт в редакцию газеты «Младое племя».

Когда заведующий отделом литературы и искусства Ник. Гальский получил послание Чуркина, он был приятно поражен. Ходил по кабинетам и декламировал лирический этюд:

— «Ни тинь-тинь и ни тилень!» Смотрите, каков Ким Селиверстович! Иногда у него еще прорывается! Ну как, ребята?

Ребята кивали головой: тут что-то есть. Однако ответственный секретарь, как всегда, решил подстраховаться:

— Знаешь что, Гальский! Пошли сперва на рецензию.

Спустя две недели прибыл первый отзыв:

«Стихи К. Чуркина по-настоящему радуют какой-то удивительной задумчивостью. Конечно, встречаются и слабые, не претендующие на смелый поиск места, например: «Нежно свищут соловьи». Но, в общем, все безусловно цельно и прочувствовано.

Перейдем, однако, к конкретному разбору. С первой строки автор вводит нас в мир солнечных бликов и больших чувств («Брызнул яркий луч вдали»). Довольно зримой является картина луны, плывущей вслед за тучей. Но особенно впечатляюще двустушие:

В бочке солнца скрылся день,
Ночь в лесу легла на пеня...

Мы чувствуем, как бы осязаем физически прелесть пейзажа. Обратите внимание на наличие звонкого, как журчание ручейка, контекста. Каждое слово емко и точно. Возьмите «бочку». А «в лесу»? А «пеня»!

Венцом стихотворения, поэтической кульминацией, на наш взгляд, следует признать двустушие:

Чу! Ни пеня-дуновенья,
Ни тинь-тинь и ни тилень!

До сих пор, пожалуй, — мы не боимся этого сказать, — в нашей области не приходилось встречаться со столь редкостным даром поэтического проникновения! Читая это, чувствуешь, что ты с головой окунаешься в свежий, чистый родник.

В заключение хочется отметить, что «Тинь-тилень» большая удача автора.

С уважением

Литконсультант И. Майстренко.

Почти одновременно прибыл и второй отзыв:

«Жизнь наша, наполненная большими свершениями, кипучая жизнь,— свидетельствовал еще один критик,— порой проходит мимо некоторых литераторов. В итоге вместо активного отражения мы видим бездумное созерцательство.

Кажется, так получилось и с Кимом Чуркиным.

Пусть нас не поймут превратно. Давно прошло время, когда ломали копы в споре о том, имеет ли право на существование чистая лирика. Каждому ясно: имеет! Но какая? Целенаправленная, выражающая через личное восприятие поэта тенденции общественного развития.

А как в рецензируемом произведении? Я уже не стану говорить о таких беспомощных, ученических, эпигонских строках, как «Нежно свищут соловьи». Где только не свистали соловьи! Мелковато также «Луна плывет за тучей»... Но все это еще куда ни шло. Дальше следует и вовсе пустой, как детская погремушка, набор образов про бочку, солнце, пеня. И в довершение совершенно невразумительная, какая-то звякающая игра слов:

Чу! Ни пеня-дуновенья,
Ни тинь-тинь и ни тилень!

Следует спросить К. Чуркина: что, собственно, хочет нам сказать его лирический герой? Чем способен нас обогатить? Довлеет форма, форма и форма, а содержание, духовное богатство наших людей остается где-то по ту сторону!

Только концовка стихотворения в какой-то мере удовлетворяет. Она крепка, мускулиста, выражает определенные раздумья:

Мне отрадно и привольно —
Рад эпохе я такой!

Концовка неплохая. Но в целом стихотворение К. Чуркина пойти безусловно не может.

С уважением

Литконсультант

П. Апостол».

— Вот видишь, а ты мне подсовывал!— упрекнул Гальского ответственный секретарь.

Журчащий шедевр уже нельзя было спасти. Тяжко вздыхая, Ник. взял листок и изорвал его в мелкие клочки.

Выйдя в коридор, он увидел, что навстречу ему с канареечной папкой под мышкой шествует не кто иной, как автор поэтической миниатюры. Гальский хотел юркнуть в первую попавшуюся дверь, но не тут-то было.

— Привет!— жизнерадостно воскликнул Чуркин.— Ну как тебе мой стишата?

— Видите ли,— замаялся Ник.— Откровенно?.. Вообще-то свежо, цельно. «На подушке луговой спит лирический покой»... Мне лично импонирует. Но, Ким Селиверстович, вы же знаете, что мое мнение еще ничего не зна...

— Позволь,— прервал его руководитель студии.— При чем здесь «На подушке луговой»? Я посылаю вам ко Дню Воздушно-го Флота!

Раскрыв свою папку и покопавшись в бумагах, он со сконфуженным видом извлек листок, открывающийся привычными чуркинскими строками:

Теперь, когда в космические дали,
Мы отправляем корабли в полет...

Годилось для баллады, поэмы, передовой статьи, а также для спортивного репортажа.

ДР-РУЗЬЯ, ДО СВИДАНИЯ!

К нам приехал ревизор.

Без всякой литературы. Живая жизнь...

Прежде всего он отправился в райфо, щелкнул себя пальцем по длинной шее и спросил:

— А как у вас насчет этого самого? Сабантуйчики бывают?

— Почти немає...

Ревизор улыбнулся. Он был тертый, знал живую жизнь. Он заскочил в Дом культуры, где поставили кусочек «Бахчисарайского фонтана», заняв первое место в области, взял след и уже через два часа добежал до сметной статьи «орграсгоды», от которой отчетливо запахло выпивомом и закусоном.

— Одну секунду! — сказал ревизор.— Тут что-то есть.

Осторожно и терпеливо, как археолог на скифском кургане, он, так сказать, по черепкам, воссоздал всю картину. Он подсчитал, сколько было рому, коньячку, «Зубровки», «Перцовки», с такой скрупулезной точностью, словно сам накрывал на стол. Все оценил, до копеечки!

А ведь выпили-закусили не просто так — захотелось! Дому культуры вручали диплом. Отмечали кусок балета.

После этого ревизор наведалься еще в несколько организаций. Оказалось, что всюду было «это самое»: в доротделе — по поводу

КАФЕ РОВЕСНИК

обкатки профилировки, в коммунхозе — по поводу обмывки бани, в ДОСААФе — по поводу перевыборной конференции и на заводе безалкогольных напитков — по поводу освоения производства кваса.

Мероприятия проводились всякие, назывались «встречи», «слет» и «вечер воспоминаний», но за различной формой ревизор увидел общее содержание — оно было на уровне 40 градусов!

В районе поднялась легкая паника. Перестали отмечать. Создалось положение, когда, если хочешь выпить, ты должен расплатиться чуть ли не из собственного кармана!

Даже после того, как райпотребсоюз заготовил последнее яйцо в счет квартального плана, казалось, что банкета не будет. Но экспедитор Бузань, подняв обе руки, успокоил взволнованных мужчин и побегал все утрясать в райфо.

Финансисты встретили его недружелюбно.

— Значит, у вас мероприятие? — спросили они с подковыркой. — Какое? Встреча, слет или вечер воспоминаний?

— Ничего подобного! — ответил Бузань. — У нас «Огонек».

— А! — сказали в райфо.

Это было совсем другое дело!

«Огонек» прошел хорошо. В столовой, которая по вечерам называется кафе «Ровесник», столы были сервированы пузатыми чашечками из детского сада и пушистыми ветками ивы. Играл ансамбль, участники художественной самодеятельности пели «Пингвины» и танцевали летку-енку, экспедитор Бузань, обаятельно улыбаясь, исполнял обязанности заслуженного артиста Кириллова, а работники потребсоюза, сидя на куцах треножниках, аплодировали и пили кофе. С ромом, коньячком, «Зубровкой», «Перцовкой».

К нам приехал ревизор! Когда он в третьем часу ночи случайно вышел из гостиницы, посетители покидали кафе «Ровесник». Ноги у них заплетались. Дрожащим фальшетоном они возвещали на всю округу:

Др-рузя, до свиданья, и вновь на сви-виданье

В суб-боту вас ждет га-ллубой...

Мероприятие не вызвало возражений — «Огонек»!

НАСЧЕТ ЛАМПОЧКИ

Он вышел из дому прямо в бодрящее утро. И вдруг, будто его кто-то в сердце толкнул: между домом и галантерейным киоском на столбе горела лампочка!

Сергей Николаевич обошел вокруг столба три раза. Как раз под лампочкой, по иронии судьбы, висел жестяной призыв:

«Уходя, гасите свет!»

«Ох, разгильдяи!» — грустно подумал Сергей Николаевич. И побежал к дворничихе Емельяновне, подметавшей брусчатку. Дворничиха на его сигнал почти не обратила внимания.

— Разве ж ты не видишь, милый? — спросила она. — Столб-то чей? Киоскерши!

Тут же высунувшись из окошка, киоскерша заявила, что ничего подобного, столб от жэка!

В свойственном женщинам бурном стиле обе стороны стали выяснять отношения, а Сергей Николаевич махнул на них рукой и отправился к участковому милиционеру Никишину.

А точка-то полыхала в полный накал!

— У вас что? — спросил Никишин.

— У меня ничего. Я к вам насчет лампочки.

Услышав про лампочку, участковый почему-то заскукал:

— Идите; идите, товарищ. Честное слово, хватает делов!

Сергей Николаевич понял, что ему придется потратить еще много невосстанавливающихся нервных клеток, но отступать уже было поздно.

В тот же день он посетил жэк, узнав, что прием посетителей производится по четвергам, с 14 до 17. Затем он посетил горпромторг, которому принадлежал киоск, и его приняли.

— Дорогой мой, — с предельным радушием сказал директор торгового. — Если вам нужны полуботинки 46-го размера — пожалуйста. Но столб — это не по моей части. Обратитесь в электросети.

А лампочка-то полыхала! Каждый час нагорало полкопейки.

Дело принимало худой оборот.

...В электросети пообещали разобраться. Из городской газеты «Вымпел» сообщили, что письмо переслано на расследование. КРУ (контрольно-ревизионное управление) сделало на виновных начет...

Все приняли меры. Но лампочка-то горела!

Сергей Николаевич смотрел, терпел, пока кружилась эта карусель, а потом взял, да и отправил прокурору всю документацию, полученную из восемнадцати инстанций, вместе с вездливой припиской:

«Не кажется ли вам, что, грубо выражаясь, им все до лампочки?»

Через три дня на место происшествия прибыл прокурор. Первым делом он разыскал Сергея Николаевича, спросил его:

— Это вы сигнализировали?

— Я.

— Насчет лампочки?

— Именно... Что у нас творится, товарищ прокурор!

И Сергей Николаевич стал перечислять всех, к кому обращался, — от дворничихи Емельяновны до Института экономических проблем.

— А вы сами? — поинтересовался представитель последней инстанции.

— Что я сам?

Прокурор вздохнул, обошел вокруг столба и повернул выключатель.

Лампочка погасла.

СУДЬБА, ВЕРЕВОЧКА, ЛЕЛЯ

Утром я подошел к Овчинникову. Он сидел на подоконнике, держал в одной руке тетрадку, в другой — карандаш, мучился ужасно.

— Вот послушай, Николай, — сказал Овчинников печально. — Стих.

И, набрав в грудь воздуха, немного подвывая, прочитал:

Вот летит большая стая

И тебя я, поздравляя...

— Неплохо, — на всякий случай сказал я.

— Жуть, — возразил Овчинников. — Это же на Восьмое марта, Кате Оберемок. При чем «большая стая»? Нет, тут что-то не так!

Мой приятель покачал головой, вздохнул и снова стал мучиться. А я отошел, потрясенный. Мне понравилось: «И тебя я, поздравляя...» Конечно, Овчинников не Пушкин — это ясно, но четыре строки своей Кате он в конце концов докропает. Почти сонет. А больше женщинам ничего не нужно!

Ну, а я? Что я подарю своей Леле? Судьба связала нас одной веревочкой. Хочу не хочу, мне надо подойти к ней, достать из-за спины подарок, сказать «С праздником! Это тебе». Она пропоет: «Спасибо!»

Тут я вспомнил, что подарка-то еще нет, и побежал.

По дороге меня догнал Олег Бандуров. Ему тоже необходимо добыть сюрприз: судьба связала его одной веревочкой с Таней.

— Думаешь, все так просто, — на ходу убеждал меня Олег. — Думаешь, взял, достал? А если достал, думаешь, все им понравится? Нет, ты еще не знаешь женщин!

И в темпе аллюра он стал вспоминать, как невестка, то есть жена его брата, в прошлом году швырнула в окно великолепный кулон, за которым Виктор гонялся две недели, в позапрошлом отвергла венгерскую шляпу, а в позапозапрошлом...

Что случилось в позапозапрошлом, я так и не узнал, потому что мы добежали до цветочного базара, стали в очередь. Хотели купить по букетику. Увы, не удалось. Когда очередь, наконец, вынесла нас к чернобородому представителю солнечного Кавказа, на дне его двенадцатого чемодана не осталось ни одной заваливающей ветки мимозы.

Мы побежали дальше — и тоже зря. Положение создалось, какое бывает только седьмого марта: нигде ничего! Одеколон расхватали на прошлой неделе, из кондизделий остался один диабетический сухарь, а в подарочных магазинах, казалось, прошелся самум и все разметал.

Я уже думал, пропало дело, но Олег вдруг что-то вспомнил, предложил:

— Пойдем со мной в заветное место!

И мы пошли. Батюшки, что там творилось! Рядами, шеренгами, стройными колоннами представители сильного пола атаковали прилавки, расположенные чуть повыше их голов...

Я выбрал плюшевого мишку, спросил Олега:

— Как ты думаешь, годится?

— Безусловно, — заверил меня этот знаток женщин. — Но учти, он стоит рубль двадцать!

Таких денег потратить на Лелю я не мог. Взял целлулоидного Лиса Патрикеевича за восемьдесят копеек.

...Вчера, во время большой перемены, когда одну половину 5-го «б» класса построили против другой, судьба в лице классного руководителя Галины Сергеевны поставила меня в двух шагах от Лели.

Я подошел, достал из-за спины купленного в «Детском мире» Лиса Патрикеевича, сказал:

— С праздником! Это тебе.

Леля пропела:

— Спасибо!

ХИТРЫЙ ЛАЗ

Все началось с ресторана «Юбилейный».

К официантке, которую звали Даша, пришла из другой ресторации официантка, которую звали Глаша, и, слегка зардевшись, попросила:

— Познакомь меня с ним.

— Вот он как раз идет! — сообщила Глаша.

Человек с тисненой папкой под мышкой проследовал к столу, с достоинством сел и, хукнув, пригладил волосы.

Каждый вечер он приходил сюда; пил марочный коньяк, закусывал паюсной икрой и оставлял официантам по трешке.

Через пять минут знакомство состоялось. А через пять часов, в течение которых человек с тисненой папкой угощался за счет дамы, Глаша, еще более зардевшись, пролепетала:

— Владимир Владимирович. Хочу вам сделать предложение.

— В каком смысле?

— А в смысле жилплощади. Добудьте мне квартиру!

Владимир Владимирович, как было доподлинно известно, строил кооперативные дома, и при желании «добыть» квартиру для него было сущим пустяком.

Однако уговорить его стоило трудов. Сначала он только качал головой. Отнекивался. Ссылаясь на то, что сложно, неудобно и вообще, если сделать одолжение одному... Но потом он все-таки согласился — взял задаток тысячу рублей.

Может быть, на этом все бы и кончилось, кабы Глаша, которую распирали радостные чувства, не пеннула шеф-повару, что с квартирой у нее на мази. И он, естественно, не отстал до тех пор, пока она не дала адресок: ресторан «Юбилейный», левое крыло, второй стол у окна.

— Опять! — спросил умученный строитель, услышав очередное предложение. — Нет, категорически нет!

Три дня шеф-повар просил его, клянчил и умолял, а на четвертый день Владимир Владимирович малодушно сдался.

— Ладно, приносите!

Прав был клиент «Юбилейного»: если сделать одолжение одному... Бесконечной чередой подсаживались к заветному столу граждане, у которых были финансовые излишки, перекладывая их из своих карманов в довольно емкую папку кооперативного волшебника. Волей-неволей пришлось ему ввести в пай еще четырех директоров вагон-ресторанов, трех официанток и одного зубного техника.

Им повезло. Встретили человека, который может.

А спустя еще какое-то время неожиданно выяснилось, что Владимир Владимирович никакой не всемогущий, а самый обыкновенный, записной алкоголик. Имеет две судимости. Короче говоря, жулик.

Весь город улыбался, обсуждая живописные подробности аферы. Дескать, ладно, с кем не бывает! Можно иногда и обмануться, но быть такими простофилями — извините!

Бдительность граждан достигла высочайших пределов. Казалось, что вот теперь наступил момент, когда жулюк — хоть беги,

и устраивайся грузчиком в речпорт. Никого на мякине не проведешь...

Люди с излишками отныне связывались исключительно с авторитетными, внушающими доверие лицами и требовали, чтоб им показали товар в натуре!

Такие лица находились. Например, Александра Петровна. Все говорили, что она приходилась родной племянницей самому председателю горсовета. Однажды в присутствии двух владельцев излишков она зашла в телефонную будку, набрала номер и сказала:

— Это ты, дядюшка? Здравствуй, это я, Шурочка. Я на тебя сержусь, дядя. Воскобойниковой ты ордер выдал, спасибо, а Переконскому пока еще нет! Когда, завтра? Ну, другое дело!

Александра Петровна никогда не темнила, она не брала взноса до тех пор, пока не договаривалась с клиентом:

— Нет уж, поедем, я все покажу!

Клиент нанимал такси, мчался с племянницей мэра и собственными глазами лицезрел... Что он лицезрел, трудно передать обыкновенным металлическим пером. «Для этого надобно иное, гусиное, классической школы. Среди вековых деревьев, в атмосфере, напоенной озоном, высилось и сверкало стеклянными гранями чудесное палаццо.

— Кооперативный дом «Дружба», — со сдержанной гордостью объявляла Александра Петровна. — Вам на каком этаже?

— На третьем.

— О третьем не может быть и речи! В лучшем случае на седьмом.

— Хорошо, пусть будет седьмой, — поспешно соглашался клиент. И тут же вносил пай. Но не подумайте, что просто так, за будь здоров, — нет, он требовал расписку!

Все зиждилось на деловой основе, на принципе «доверяй и проверяй», однако не прошло и полгода, как обнаружилось, что Александра Петровна никакая не племянница мэра, а тоже обыкновенная патентованная аферистка.

Весь город уже не улыбался, а громко смеялся над незадачливыми простаками. Печать посвятила этому событию фельетон, телевидение — сатирическую передачу, а сотрудница райжилуправления Ванда Николаевна Трехгорчикова даже собрала группу вступающих в кооператив и провела среди них определенную работу.

— Видите, к чему приводит ротозейство, — заметила Ванда Николаевна. — Простота хуже воровства. Брали расписку, и этого с них было довольно. А нас в райжилуправлении учат не так. У нас существует порядок. Вот вы, гражданин Сиротюк, что у вас в руках?

— У меня обязательство.

— Покажите.

Вступающий показывал:

«Обязательство. Дано Сиротюку В. Н. В том, что я, Трехгорчикова Ванда Николаевна, получила у него предварительный взнос в сумме 1750 (одна тысяча семьсот пятьдесят) рублей, в чем и расписываюсь.

Паспорт № 695034, серия XXI-ЭЯ». Далее подпись и печать.

— Да,— повторила Ванда Николаевна.— У нас порядок. Сразу мы никому ничего не обещаем. Приходите все на перерегистрацию во второй понедельник месяца!

Что случилось во второй понедельник, вы приблизительно себе представляете. Когда вступающие в кооператив явились со своими надежными, припечатанными обязательствами на руках, они узнали, что Трехгорчикова, во-первых, имела такое же отношение к райжилуправлению, как к конференции стран Латинской Америки, что, во-вторых, ее уже и след простыл и что, в-третьих, короче говоря, плакали их деньжата, вместе с голубой мечтой о квартире!

Какой-то стойкий, неистребляемый рефлекс! Хоть ставь посредине площади объявление:

«Отдавая свои сбережения первому встречному, помните, граждане, что он может оказаться авантюристом!»

Весь город уже не смеялся, а хохотал над очередным конфузом людей, чуть ли не насильно всучивших деньги жулю.

А отчего подобные конфузы, вы никогда не думали? От притворности, ловкости и хитрости сующих. Им хочется добыть квартиру впереди всех, вот они и начинают метаться по кривым дорожкам, чтобы найти удобный лаз.

В иных условиях ловкачи даром никому не отдадут и трех копеек. А тут они преподносят тысячи на блюдечке с каемочкой. У пайщиков подобного толка сложилось стройное мировоззрение, они убежденно заявляют:

— Надо ждать? Нет, надо ж дать!

Тем более что они слышали от официантки Глаши, будто у нее все на мази. Есть такой человечек — второй столик, у окна... Так неужели им упустить свой шанс? Нет, ведите их к человечку!

КРЫМСКИЙ ЭТЮД

Главной особенностью крымского ландшафта является не стройный кипарис, а экскурсовод. Он как лучший друг встречает вас на каждом шагу; помогает мыслить и не дает самостоятельно переварить ни одного впечатления.

Говорят, что когда, отбыв свой срок и поиздержавшись, вы

вернетесь на Симферопольский вокзал, то и здесь не оставит вас его бодрый радиоголос:

— К сведению прибывающих — ресторан налево; к сведению отъезжающих — кипятки направо...

Способность крымского гида извергать полезные сведения про сто поразительна. О чем хотите: о горе Медведь, о дереве баобаб, о бывших воспитанниках местной гимназии и о любом булыжнике, случайно попавшемся вам на глаза. А уж про Ласточкино гнездо, про то, что его строил архитектор Шервуд, сын архитектора Шервуда, и что во время землетрясения 1927 года оно дало трещину,— говорить не приходится. Об этом не упустит случая заметить ни один уважающий себя экскурсовод!

Из благодатного края вы уезжаете, начиненные увлекательными историями, как бомба шрапнелью. После этого еще долго по ночам вам снятся легенды в восточном стиле — фелюги, ханы, красавицы и граф Воронцов-Дашков.

Тем не менее о гидах у вас остаются приятные воспоминания. Он желал вам добра, он выполнял свой долг и наряду с легендой, сочиненной ради вашего же удовольствия, порой выкладывал достоверную быль.

Гид, о котором пойдет речь, склонялся к былям.

Показав все, что только можно было нам показать на солнечном побережье, и не забыв, понятно, упомянуть также о трещине в Ласточкином гнезде, Иван Васильевич привел нас к новейшему архитектурному чуду и сказал:

— Вот. Павильон для передвижных выставок... Правда, ничего?

Он выглядел действительно необыкновенно. Над бурливым горным потоком высилось замечательное сооружение: стеклянные стены, стеклянная крыша, стеклянный потолок и с двух сторон монументальные настенные фрески, шершавым языком керамики как бы повествующие об истории юга. Много света, воздуха, солнца и еще чего-то хорошего.

Мы обошли вокруг этого прозрачного чуда, и Иван Васильевич повел нас очередной крымский этюд. В нем фигурировали не стародавние фелюги, а текущий момент.

...Когда благоустроители подвели первые итоги реконструкции, они убедились, что хотя растут как грибы высотные дома, шагают к пляжам стальные опоры подвесных дорог и бежит напрямик к Севастополю спрямленная дорога, которую шоферы прежде называли «Севастопольский вальс», чего-то еще явно не хватало. Но чего?

Интенсивно думая, они наконец доискались — явно не хватает выставочного павильона. Понимаете, пусть эстетически изголовавшиеся курортники не набрасываются на доморощенную

«Поляну сказок», — пусть лучше они приобщаются к передвижным сокровищам Эрмитажа и Третьяковки.

Поскольку архитектора Шервуда, сына архитектора Шервуда, в Ялте уже нет, вызвали местного зодчего и озадачили его (в смысле поставили задачу):

— Давай спроектируй! В самый сжатый срок.

Сославшись на отсутствие специального опыта, этот товарищ попытался малодушно уйти в кусты. Но ему напомнили, что павильоны-то он уже строил (правда, закусовые, для общепита), и вообще не боги обжигают горшки!

Отвертеться местному архитектору не удалось, и он сел обжигать свой горшок.

По прошествии сжатого срока зодчий принес скрученные в трубки листы ватмана и развернул их перед глазами заказчиков. Все было просто здорово! Проект прошел под аплодисменты.

Два года строительный трест тянул волынку, два года на всех заседаниях его склоняли и спрягали, а управляющий хватал выговора с предупреждением, потому что выставочный павильон был объектом номер один. С него глаз не спускали. О нем циты вешали: «До пуска осталось столько-то дней!»

И наконец настало время, когда на щите появился нуль. До срока остался нуль дней...

Приемная комиссия пришла на объект и обмерла от восхищения. Павильон вписался, павильон смотрелся, сверкал как алмаз и был намного эффектнее, чем закусовая общепита!

Потом была «приемка». Она прошла придирчиво, но даже придирчивым совесть не позволила оценить прозрачное творение ниже чем на четыре с плюсом!

Оставалось подождать, когда Эрмитаж и Третьяковка приплют свои дары для стеклянного дома, у которого уже начали выстраиваться эстетически изголодавшиеся курортники.

Но тут — чувствуете, должно быть сакраментальное «но тут»... — среди субтропической ночи разразился ливень. Длинными спринтерскими прыжками строители по тревоге домчались к художественному святилищу в тот момент, когда на паркетном полу бурно взвихрились потоки воды. Это протекала знаменитая стеклянная крыша.

Примчавшиеся мужественно ринулись в середину и чуть не задохнулись. Оказалось, что в павильоне температура приближается к пятидесяти градусам: микроклимат коксовой батареи, ямы для возгонки древесного угля и пустыни Сахары.

Тут только все заметили, что прозрачное творение законопачено, как деревенская черная баня, и аккумулирует солнечную энергию, как астрономический рефлектор.

Из Москвы срочно вызвали консультанта. Он осмотрел храм искусства и поинтересовался:

— А известно ли вам, дорогие товарищи, что в выставочном зале желательно обеспечить постоянную температуру плюс восемнадцать градусов?

— Что вы говорите! — страшно удивился архитектор.

— Что вы говорите! — удивились строители.

Акт, составленный тут же, засвидетельствовал, что здание совершенно не вентилируемо; что горный поток, протекающий под полом, вряд ли будет способствовать сохранности живописных шедевров; что отопительные батареи смонтированы у стен, из-за чего картины можно вешать где угодно, только не на стенах...

Все вышли на воздух с чувством, которое даже отдаленно не смахивало на чувство исполненного долга.

Павильон был приспособлен не столько для демонстрации художественных полотен, сколько для тепличного выращивания огурцов.

...Закончив свою современную быль, симпатичный гид Иван Васильевич утешил нас, заверив, что выход из положения будет найден. Павильон доделают и переделают. Для этого придется затратить всего...

«БРИГАНТИНА»

ОПУСКАЕТ ПАРУСА...

Как только поезд, стуча колесами, подходит к перрону города Приморск, местные теткы берут на бордаж все подножки:

— Квартирку часом не надо? Пять минут ходу к морю...

Потом выясняется, что эти пять минут равны, самое меньшее, получасу. Но «дикарю», или, как его еще нынче называют, «индивидуалу», приехавшему в благодатное Приазовье на свой страх и риск, уже никуда не деться, и он бредет за теткой, приседая под тяжестью двух утоптаных чемоданов.

С морем рай и в шалаше!.. Воспоем панегирик благодатному краю, берега которого усеяны золотым крупнозернистым песком, воздух напоен целительным йодом, а солнце — солнца здесь как в сказке — хоть отбавляй!

Оттого и тянутся сюда со всех концов света «индивидуалы» — папы с чемоданами, мамы и бабушки, идущие следом и пританцовывающие, глазающие по сторонам индивидуалята.

Обилие пап, мам, бабушек и ребятишек и привело к демографическому взрыву, породив массу проблем. Уже не хватает развалюх. Уже и крупнозернистый песок в дефиците.

Что делать? Руководители горсовета оглянулись и заметили неподалеку настоящее сокровище: на много километров уходила в море Коса. Впоследствии местные поэты сочинят в ее честь стихи, написанные пятистопным ямбом, и назовут — по праву! — Коса-Краса...

Пусть «дикари» вздохнут легко! Отныне их участь решена. Отныне кончится их рабство под игом предприимчивых хозяюшек, где тут не стань, а там не ляжь, где за «койкоместо» сдирают рубль пятьдесят в сутки, где тесно, грязно, неприютно.

Косу-Красу превратят в центр отдыха «неорганизованного» беспутевого человека. Давно пора было это сделать потому, что он заслужил и в общей массе местных курортников составляет немало процентов.

Короче, Приморск возгласил:

— Добро пожаловать, дорогие гости, в наш райский уголок! Зачем Ривьера, когда есть Коса!

Сгоряча разбили даже один палаточный городок. «Неорганизованные» хлынули сюда, как внешний поток.

Но тут выяснилось, что у «неорганизованного» есть могучий конкурент — учреждения и организации. Они тоже пожелали утвердиться в этих солнечных пределах и стали отрывать себе куски красы.

Одними из первых явились представители медицины. Маленький санаторий для эскулапов возник как бы чудом, сам собой — без ассигнований и фондовых материалов, почти исключительно из энтузиазма.

Вслед за эскулапами прибыли посланцы универмага и тоже изыскали резервы. За ними последовали полпреды винсовхоза, горкоммунхоза, горстройпроекта и многие другие. Все отторгли от курортного пирога свою долю, воздвигнув кое-какие чертоги.

Когда первый клондайкский пыл прошел, обнаружилось, что Коса-Краса имеет такой неприглядный, бивачный, расхристаный вид, что о конкуренции с Ривьерой не может быть и речи. Ведь каждый строил кое-как, по своему понятию, заботясь только о текущем дне!

Ладно, не будем придирааться. Возблагодарим судьбу за свершенные перемены.

Хорошие ли, худые ли, но пляжи есть; неприхотливые курортники черпают тут пудами здоровье и доброе настроение и бегут в рассветный час к единственной на полуострове столовой, чтоб занять очередь на обед.

Ропота курортников не слышно. Его заглушает желанный ро-

пот волн. Все довольны и, пообедав, бегут занимать очередь, чтоб поужинать в бывшем рыболовецком тралящике, переименованном в ресторан «Бригантина». Ох, «Бригантина» — предмет особой гордости Приазовья, экзотическая достопримечательность! Бутафорские смоляные бочки украшают экскорму, юные пираты со смоляными же бородами и при бутафорских кортиках подают робующим посетителям вторые, преимущественно морские блюда, — йо-хо-хо! — и бутылку водки, — а те, кто не пробился в середину, вкушают пиво с фирменными бычками прямо на колодах, расположенных поодаль, на берегу...

Курорт есть, курорт здравствует, «Бригантина» поднимает (в 18.00), а также опускает (в два часа ночи) паруса. Все хорошо, за исключением самой малости, сущего пустяка: не видать беспутевого счастливицы, ради которого была задумана Коса-Краса. Его сюда на пушечный выстрел не подпускают — специально при въезде учредили пост ГАИ и вменили ему в обязанность две задачи:

— Не выпускать машины с песком и не впускать машины с «дикарями»!

В первом палаточном городке, куда ринулся было простодушный счастливчик, и то нынче неумолимо требуют: «Путевочку!»

Давайте еще раз скажем: привет «организованному». Никто не возражает: пусть будут базы здоровья, дома отдыха, профилактории, пансионаты, дачи и т. д. Места всем хватит. Но где же «неорганизованные», те, которых минимум 95 процентов? Они «не вписались». Перед ними «Бригантина» опускает паруса...

Все остается по-прежнему. Стуча колесами, подходит поезд, и на подножки наваливаются местные тетки:

— Квартирку часом не надо?

«Дикарю», бедолаге, куда податься? Некуда ему. Он вздыхает, берет в руки чемоданы и, кликнув жену, ребятишек, бабушку, отправляется под иго, на частный постой.

ТРЕСК И БЛЕСК

В преддверии праздника испытываешь светлое, мажорное чувство и становишься чуть легкомысленней, чем всегда. Это относится прежде всего к вашей супруге. Она приходит и говорит:

— У меня идея. Устроим званный обед!

— А это необходимо?

— Конечно, у Веры Аполлоновны ужин!

Вы малодушно соглашаетесь, понимая, что пути к отступлению нет, берете авоську и отправляетесь в магазин за зеленым луком, горошком, маргарином, шпротами и «Славянской» горькой.

Ваши расходы несколько выше, чем позволяет реальный бюджет, но зато вы не прослывете сквалыгой и обретете душевный покой.

Чувство здорового соревнования с соседкой, двигавшее вашей супругой, из индивидуального сектора переключается в общественный и начинает беспокоить хозяйственников. Они тоже желают отметить. Полагаете, банкетом? Нет, на сегодня это пройденный этап. Нужно что-то другое, созвучное нашим дням. Но что?

В преддверии праздника урожая сидел и тяжело мучился над этим вопросом голова колхоза «Зеленый дол» Михаил Опанасович. Реальный бюджет позволял, а между тем никто не мог придумать хорошего мероприятия.

— Давайте премируем колхозников, — предложил бухгалтер.

— Було! — мрачно отверг голова.

— Устроим культпоход в театр, — вставил завклубом.

— Було!!

— Вечер встречи трех поко...

— Було, було, було!!!

Казалось, уже ничего не придумать, но тут встал старший агроном Профатилев, откашлялся и скромно посоветовал:

— Организуем фейерверк!

Это было как раз «то», созвучное нашим дням, и Михаил Опанасович пожал агроному руку: не було!

О, фейерверк! Знаете ли вы, что такое фейерверк? Вжью, вжью! — рвутся шутихи, крутятся ветряные мельницы, ухают пиротехнические бомбы, мелкими хвостатыми бесами рассыпаются огненные шарики — все, как в волшебном сне, таинственно и страшно завлекательно...

Не прошло и трех дней, как в «Зеленом доле» проводили мероприятие. Заезжая пиротехничка Аршинова, закатав рукава, с изяществом иллюзиониста проделала манипуляции. «Вжью, вжью», — раздалось на стелных просторах. Колхозники и оглянуться не успели, как предполагавшиеся премии сгорели в воздухе, оставив только гарный след...

Ничего! Зато голова не прослыл сквалыгой. И еще долго после этого в соседних селах жители восхищенно почесывали затылки, говоря:

— Оце так бабахнуло!

А волшебница огня Аршинова благодарно улыбнулась из

окошечка «Волги» и была такова. Надеюсь, вы понимаете, что она сжигала фейерверк не даром. Не даром...

Окончив несколько лет тому назад не то кондитерский, не то текстильный факультет, эта энергичная женщина своевременно сориентировалась и переменяла удел ИТР на удел кустаря-взрывника. Сначала она справлялась сама, но потом объем «халтуры» достиг таких размеров, что ей пришлось призвать на помощь мужа, двоюродных братьев, двух кумовей и свекра Прокофия Тимофеевича. Правда, дед Прокофий плохо видел, плохо слышал, перенес два инфаркта — он в буквальном смысле пороха не нюхал, но это, естественно, не помешало невестке внести его в ведомость на зарплату.

Искрометная фирма заработала во весь накал, благо спрос был и огнепоклонников хватало. На силикатном заводе отмечали пуск обжигательной печи, в Подкаменской ГЭС — присуждение премии, и даже в пионерских лагерях непременно отмечали! Что? Открытие и закрытие.

А где же брали деньги? Не волнуйтесь, деньги всегда можно найти. Выдадут материальную помощь, мобилизуют суммы БРИЗа, воспользуются ассигнованиями на передовой опыт. А в пионерском лагере — и того проще: соберут с родителей по трешке.

Ох и горело, ох и пылало — треск и блеск! Нина Николаевна Аршинова, волшебница огня, даже на «Волге» не успевала развить свои бомбы и ветряки. И всюду выделенные суммы полыхали ярким пламенем, сгорали максимум за три с половиной минуты.

Конечно, в каждой отдельной организации суммы, затраченные огнепоклонниками, были не так велики. Как говорится, в масштабе страны — не обеднеем... Но если подсчитать все вспышки и просуммировать весь треск, то окажется, что, выражаясь словами колхозников, «бабахнуло здорово»!

Спору нет, в некоторых случаях, например, во время карнавала или в балетном спектакле «Вальпургиева ночь» фейерверк просто необходим. Стоит ли, однако, устраивать карнавал, а тем более кордебалет для того, чтобы языком иллюминаций показать всему миру — и мы не лыком шиты?

Фонтанчики брызжут... В прямом и переносном смысле. Там соорудили въездную, чуть ли не триумфальную арку, там в пустынном поле вздумали скульптурно «отобразить» дискобол, там с эпическим размахом, достойным разве БСЭ, творят историю родного трикотажного цеха, а там созидают слет ломосдатчиков и для каждого участника припасают памятный дар — блокнот-альбом в кожаной суперобложке, специально отлитый эмалированный значок и шариковый карандаш, именуемый пушкой.

Соседу в пику. Знай наших!

ЧЕЛОВЕК В ОХОТНИЧЬИХ САПОГАХ

Зоя, Лариса, Виктор и Николай были молоды и преисполнены надежд. Им казалось: все возможно. Дайте точку опоры, чтобы перевернуть весь мир!

В глубине души юным мечтателям уже виделось то благословенное время, когда их призовут к исполнению долга, поручив автоматизировать как минимум металлургический цикл. Дело в том, что все четверо недавно окончили факультет телемеханики металлургического института.

Все сложилось прекрасно — они получили направление в НИИ «Автоматика». Можно было развернуть свои способности и выявить творческий потенциал.

Зоя, Лариса, Виктор и Николай приступили к работе, тайно лелея мысль о точке опоры. Первые десять дней прошли в кропотливом будничном труде у чертежной доски. А на одиннадцатый сбилось. Кто хочет, тот добьется! Их вызвали и сказали:

— Друзья, вам поручается первое, особо важное задание.

Сердца молодых учащенно забились, и Николай спросил:

— Какое?

— Пойдете в овощехранилище!

Этот объект, кажется, слабо вписывался в металлургический цикл, но если надо, возражать не приходится. Бригада НИИ, возглавляемая кандидатом технических наук, на следующее утро отправилась на базу. Здесь каждому вручили по паре брезентовых рукавиц и кратко потребовали:

— Становитесь перебирать картошку.

Картофельное задание вызвало сначала стихийно неосознанный протест. Но пытливо оглядевшись вокруг, посланцы «Автоматики» поняли, что с этими нездоровыми настроениями пора кончать! Рядом перебирали картошку, переносили капусту, сортировали лук и пастернак полпреды других творческих коллективов.

— Привет! — без отрыва от моркови крикнули слева коллеги из института «Кибернетика».

— Добро пожаловать! — радушно приветствовали их справа солисты оперного театра.

— Тот не знает обеденья-денья-денья-денья, кто ее не перебрал! — находчиво встретили пополнение скульпторы из монументальной мастерской.

Сидя на кучах зелени, плодотворно трудилась масса специалистов. Между ними с видом лорда-хранителя печати прохаживал-

ся заведующий базы, лорд-хранитель овощей, работодатель, человек в высоких охотничьих сапогах. Он приглядывал за пришлой рабсилой, время от времени покрикивая: давай, давай!

Порой человек в сапогах останавливался возле той или иной кучи, откашливался, видимо, скромно ждал, что ему сию минуту выразят горячие чувства признательности.

...Зоя, Лариса, Виктор и Николай с честью выдержали боевое крещение. Немного только угнетала мысль о том, что их допустили всего лишь к переборке картофеля. Самую ответственную работу доверили сотрудникам института ядерной физики. Вооружившись ножами, похожими на первобытные секачи, повелители мяю-мезонов и протонов чистили картофель, бросая его в бидоны с водой. То и дело сигнала, подъезжали за этими бидонами мотоциклисты общепита. Чищенный продукт шел ходко, принося овощехранилищу дивиденд.

Вообще, надо сказать, посланцы науки и искусства трудились над картошкой с огоньком. Накануне их коллективы получили телефонограмму, в которой фронтовым слогом предписывалось:

«Руководителю предприятия тов.....»

Исполком Правобережного райсовета обязывает Вас сроком на один месяц выделить двадцать пять (25) человек для оказания общественной помощи овощехранилищу № 19.

Явка к 8.00, на улицу Синусоидальную, 27.

Председатель райисполкома Шивилихин».

В свете телефонограммы, трактующей об общественной помощи, невозможно было уклониться от прямого долга.

Все это я прекрасно осознал, но, стоя в овощехранилище и наблюдая творческий процесс, решил взять дополнительную информацию у человека в сапогах.

— Скажите, вы довольны рабсилой?

— В основном, — сдержанно ответил хранитель овощей. И тут же отвлёкся, чтобы бросить еще одно пополнение на отрыв ботвы от бурачка. — В основном, — повторил он, — они, конечно, работают. Но как? Горе и слезы. Сами понимаете, академики...

— А бывает ли так, — спросил я, — что ваши заявки не удовлетворяют и «академики» на помощь не приходят?

— Бывает.

— Что же вы делаете?

— Обходимся своими силами!

В тот же день я позвонил в бухгалтерии НИИ, театра и монументальной мастерской, заинтересовался, за чей счет специалисты перебирают картошку.

— Как за чей? — удивились бухгалтеры. — За наш, конечно, за государственный счет. Всем начисляется средний заработок.

...Вот так оно и повелось. Общественность помогает. Кому? Завбазой. Это он, работодатель, выполнив «план закладки», сгноил картофель и создал «план переборки»...

Да, но при чем же здесь кибернетики и артисты? Почему они в буквальном и переносном смысле должны расплачиваться за его головоуятство?

В райисполкоме забили тревогу: останемся без картошки и в директивном порядке обязали всех, всех. А «руководитель предприятия тов.....» — что поделаешь — выполнил заявку.

Что же из этого вышло? Подставив плечо нерадивому, исполком и директор предприятия поощрили безответственность. Будьте уверены, что после первой переборки последует вторая. Человечек в охотничьих сапогах теперь ученый, он знает: ты только забей тревогу, райсовет обяжет.

Смотрите, как основательно извратили благородное дело взаимопомощи. Ход рассуждений был примерно такой: дружинники — это хорошо? Хорошо. А субботники? Тоже. Так чем же хуже переборка картофеля?

Ну что тут скажешь? Да, общественность должна помогать. Но как? Только на законных основаниях. Когда? В свободное от работы время. И кому? Во всяком случае, не бесхозиявшему головоуятцу завбазой.

Давайте будем последовательны. Если согласиться с директивным принципом, обязывающим всех, всех выручать овощную базу, то почему не пойти дальше и не призвать общественность на помощь дворнику? Хотя стойте, с этим предположением мы явно опоздали. Уже давно призвали! В парке имени Луначарского можете прочитать любопытную надпись на трафарете:

«За чистоту этого участка отвечают проектировщики института «Гипромез».

Позвольте, но ведь есть же в парке тетя Даша, тетя Паша и целый отряд прочих дворников, исправно получающих зарплату? Живое представляешь себе, как работников «Гипромеза» снимают с проектирования самой мощной в мире домны и посылают подметать участок. С этой задачей они, вероятно, в конце концов справятся. Ну, а если самая мощная в мире домна останется чуточку недопроектированной? И если через полгода в этом деле обнаружится прорыв? Райсовет уже вряд ли сможет бросить на его ликвидацию тетю Дашу или тетю Пашу.

Проект не картошка...

Не лучше ли будет, дорогие товарищи, так: пусть коллектив «Гипромеза» отвечает главным образом за домну, а коллектив дворников — главным образом за чистоту!

Мне кажется, что это проверенное на опыте распределение труда будет самым разумным.

БРАТ ПОЛОСАТОЙ АКУЛЫ

В город на Днепре летишь на крыльях. На стремительных крыльях «Ракеты», в наш век, прокладывающей путь не только в атмо-, но и в гидросфере. За плотно задраенным стеклом дыбились и бушевала шестибалльная волна рукотворного моря, мы сидели в мягких креслах, а речная стюардесса стояла у стойки бара и улыбалась нам белозубой улыбкой, удивительно шедшей к ее черному костюму.

— Есть «Жигулевское» пиво! — объявила белозубая девушка.

Среди представителей мужской половины пассажиров прокатился гул оживления, кресла под ними опустели, все двинулось к стойке, и я увидел чудо из чудес, настоящую фантазию: в руках у каждого поклонника пива светились и переливались янтарем тарань, чехонь, чебак и прочие вкусные вещи.

— А где вы взяли? — спросил я, напрасно пытаюсь подавить предательские нотки зависти.

Путешественники посмотрели на меня, как на свалившегося с лунной орбиты:

— Как где? На рынке.

«Ракета» подошла к плотине, и пока мы поднимались в шлюзе, согласно закону сообщающихся сосудов, попутчики обогатили меня некоторыми полезными сведениями.

С тех пор как здесь появился целый каскад новых морей, стало лучше: водный простор, белокаменные города, дубравы — кругом такая красотища — глаз не оторвешь! Для рыбки — раздолье: богатый «выпас», слабое течение и тихие омуты, где вопреки пословице нет чертей.

Рыбе неплохо. Ее разводят, культивируют, «сеют», о ней заботятся, как о родной, и было бы вовсе отлично, кабы она это понимала и не искала от добра добра. Но нет, не успокаиваясь на достигнутом, она стремится вперед — миллионы лет выработали у нее атавистический инстинкт, который гонит ее вверх по течению: весной — на нерест, осенью — в глубокие зимовальные ямы.

А посреди Днепра глухая плотина. А сигануть с нижнего бьефа на верхний речная обитательница не может, поскольку эта задача оказалась бы непосильной даже для ее знаменитого летучего родственника из Великого океана.

Рыба ищет где глубже, а человек ищет... Впрочем, и искать-то ее не надо. Она здесь, голубушка, у бетонной стены, — вкусная штука, тарань, в своем, так сказать, изначальном, непрокопченном виде. Кишмя кишит. Зачерпывай ее сачком, как продавец в

магазине «Свежая рыба», или, закатав рукав, опусти в воду руку и поймай свое рыбацкое счастье за хвост...

Вот мы и подошли к неиссякаемым истокам рынка вкусной закуски. Чертей у тихого омута действительно нет, но радоваться не приходится потому, что есть браконьеры, и они во сто раз хуже! Они облепили берега, как зеленые мухи, и зачерпывают, и тралят, и глушат, и тянут, делают свое черное дело с беспашабной прытью. И красотища вокруг сама собой меркнет.

Мама родная, сколько мелких корсаров! И как только не промышляют они у высокоурожайного водоема!

В белокаменном городе, близ нового моря — уютном, чистом и таком прекрасном, что хочется отвлечься строк на сто и сложить поэму, — в этом городе вам покажут целую коллекцию орудий браконьеров. Драк, или, как говорят здесь, «драч», нечто вроде якоря, такой одну рыбку зацепит на радость корсару, а пяти другим — пропорет брюхо просто так, мимоходом.

В новом городе есть и ставшая притчей во языцех Василина. Была когда-то лебедчицей, переквалифицировалась на браконьершу. Выгодно: спрос на тарань не ослабевает. Живет припеваючи. И таких вольнопромышляющих Василин немало.

Борются ли с пиратством на Днепре? Конечно. В домике рыбинспекции стены увешаны наглядной агитацией густо, как в Третьяковке. На одном плакате мама-рыба, везущая в коляске малышей, взывает: «Пожалейте моих деток!» — а на другом местный поэт-обличитель оставил свой след в литературе посредством еще более эмоционального призыва:

Эй, браконьер! Умерь свои страсти.

«Спутник» и «драк» — запрещенные снасти!

Но браконьер почему-то не хочет пожалеть рыбных деток и не собирается умерять свои страсти. Воздействие стихотворного шедевра практически равно нулю.

Сотрудники рыбинспекции, обитающие в домике, где экспонируются эмоциональные призывы, возлагают надежды не только на наглядную агитацию. Да будет вам известно, у них есть еще более могучее средство.

— Учтите, — просят они, — за прошедшее полугодие мы еще провели 139 бесед и прочитали 17 лекций!

Но браконьер почему-то, простите, начинал и на душевнеспасительные беседы. Он уверился, что, несмотря на все уговоры, ему ничто не грозит. Вот он по-прежнему кидает в плотины «драк».

Почему дают в обиду рыбу? Разве некому ее защитить? Мы сели и составили список организаций, объединенных единством цели и полномочий. Получилось:

рыбинспекция, водинспекция, санинспекция, инспекция по ок-

ране природы, рыбколхозы, водная милиция, прокуратура, целый ряд обществ и т. д. и т. д.

Нигде, пожалуй, нет такого обилия стерегущих и впередсмотрящих, как на воде. Если собрать всю неисчислимую рать, выйдет, что чуть ли не на каждую рыбу приходится один персональный защитник. И в то же время нигде, пожалуй, нет такой легкой жизни, такого безнаказанного охальства, как на воде!

Один кивает на другого, бросая ком в соседа, пытается обелить себя. В рыбинспекции мне пожаловались на рыбколхозы, отдельные члены которого не столько охраняют, сколько грабят «голубого друга». В рыбколхозе признали, что частично это есть, но пусть рыбинспекция вспомнит: у нее самой рыльце в пушку! Дескать, спросите даже у водной милиции. Водная милиция разъяснила: наше дело — порядок в портах и на пароходах, насчет браконьерства обратитесь в прокуратуру. Прокуратура указала на общество охраны природы. Это общество ткнуло пальцем в общество рыболовов. Общество рыболовов вспомнило о водной дружине.

Двадцать семь нянек, а рыбе-то худо!

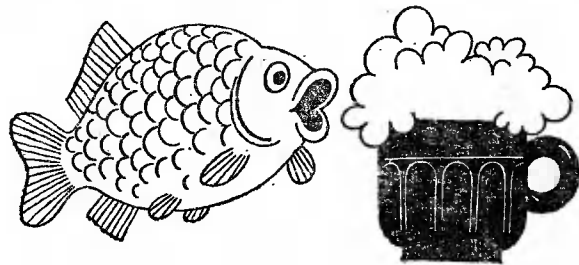
И мы с вами тоже хороши. На человека, повадившегося к тихому омуту, смотрим порой снисходительно, как на малолетнего проказника. При одном слове «рыболов» у нас появляется улыбка во все лицо, и мы себе мысленно рисуем портрет блаженного созерцателя, полной грудью вдыхающего на зорьке озон:

— Во-о-от такая рыба!

А этот «блаженный» творит беду. Не созерцатель он, а самый настоящий брат полосатой акулы.

Нет, правда, мы к нему мирволим — в лучшем случае «про-рабатываем» на собрании. Но как? Корим за то, что попался, и требуем, чтобы сказал: «Больше не буду». Голос общественности звучит в тональности волшебной флейты.

Вот он и охальничает, и нагло попирает закон, и выходит сухим из воды. Да еще с богатым уловом в обеих руках.

СОДЕРЖАНИЕ

Амеба в колбе	2
Баловень судьбы	5
Слова мои	8
Кооператив «Арктика»	9
Секционная мебель	11
Ейный муж	14
Я становлюсь славным малым	16
Тинь-тилень	19
Др-рузья, до свидания!	23
Насчет лампочки	25
Судьба, веревочка, Леся	27
Хитрый лаз	28
Крымский этюд	32
«Бригантна» опускает паруса...	35
Треск и блеск	37
Человек в охотничьих сапогах	40
Брат полосатой акулы	44

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЬВОВСКИЙ

ТРЕСК И БЛЕСК

Редактор А. А. Суконецев.

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 18/II 1976 г. А 00927. Подписано к печати
8/VI 1976 г. Формат 70×108^{1/32}. Объем 2,10
усл. печ. л. 3,01 учетно-изд. л. Тираж 75 000. Цена 9 коп.
Изд. № 1011. Заказ № 1809.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.